

На правах рукописи

Сиротина Ольга Викторовна

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА
НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР)**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Краснодар – 2024

Работа выполнена на кафедре иностранных языков № 1 Института фундаментальных наук ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков №1 Института фундаментальных наук ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» **Воркачѳв Сергей Григорьевич**

Официальные оппоненты:

– Черкасова Инна Петровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков (факультета социально-гуманитарных технологий) Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского;

– Бредихин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор департамента лингвистики факультета международных отношений ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина», кафедра общего и русского языкознания.

Защита состоится «3» декабря 2024 года в 9:30 на заседании диссертационного совета 24.2.320.10 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 231.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» и на официальном сайте: <http://docspace.kubsu.ru/docspace/handle/1/1804>

Автореферат разослан «__» октября 2024 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Вульфович Б.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В данной работе производится комплексный сопоставительный анализ объективации бинарного семантического единства НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ в русском и английском языках, проводимый на материале художественной прозы XX–XXI вв.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью изучения вербализации надежды и отчаяния в их взаимосвязи как важных компонентов эмоциональной жизни говорящего индивида. Надежда и отчаяние – это «два полюса, между которыми и разворачивается драма нашей стремительно короткой жизни» [Кононова, 2010]. Противостоя друг другу, они взаимопроникают одно в другое и взаимодополняют друг друга. Культурно-языковые особенности представлений о надежде и отчаянии представляют несомненный интерес для лингвокультурологии.

Степень разработанности темы исследования. Лингвокультурный концепт НАДЕЖДА в русском языке привлекал внимание ряда исследователей, что позволяет говорить о некоторой разработанности данной темы [Зализняк, 1992; Лассан, 2002; Кругликова, 2004; Пименова, 2011; Пименова 2014; Перфильева, 2016; Дмитриева, 2023]. В частности, концепт исследовался на материале художественного [Романова, 2023] и поэтического дискурса [Ростова, 2010; Купчик, 2012; Налегач, 2019], а также дискурса писем [Барина, 2019]. Нельзя обойти вниманием и исследования концепта АВОСЬ [Вежбицкая, 1996, с. 76-79; Шмелев, 2005; Ильина, 2010; Далян, 2016], который можно рассматривать как часть русского концепта НАДЕЖДА. Эквивалентный ему англоязычный концепт HOPE также попадал в фокус внимания исследователей [Самойлова, 2003; Заячковская, 2008; Tissari, 2017; Зайцева, 2018; Павленко, Кардумян, Макарова, 2019], в т. ч. рассматривался на материале художественного дискурса [Ляшенко, 2019; Огнева, 2019; Беданоква, 2022; Дмитриева, 2023а].

Концепт НАДЕЖДА также исследовался как часть триады «вера–надежда–любовь»: в языковом сознании русских Приенисейской Сибири [Васильева, 2015], в восточнославянском ареале [Герасимович, 2013], в русском религиозном (христианском) дискурсе [Балашова 2011; Балашова 2014], в медиадискурсе [Крохина, Новрузова, Ширман, 2023], в поэзии [Жук, 2007], а также в английском языке [Харламова, 2006] и в целом в индоевропейском ареале [Харламова, 2012].

Концепту ОТЧАЯНИЕ в русском языке уделялось заметно меньше внимания [Вертелова, 2001; Бочкарев, 2016]. Изучалось моделирование отчаяния в художественном тексте [Кузьмина, 2020]; концепт также исследовался на материале поэтического дискурса [Соколова, 2015].

В научной литературе представлены и исследования семантической оппозиции надежды и отчаяния – прежде всего на материале английского языка [Omori, 2012]. Изучалось и индивидуально-авторское представление

этой оппозиции в английской художественной литературе [Эпштейн, Князева, 2020] и русской поэзии [Cooper, 1991].

Сопоставительному исследованию надежды в русском и английском языках посвящено несколько работ [Балашова, 2014а; Балашова, 2015; Мошина, 2005; Юсупова, 2021]. Другие языки в примерах сравнительного исследования включают болгарский [Войславова, 2020], китайский [Чанг, 2018] и персидский [Мохаммадиан суге, 2019]. В работе [Пелевина, Шуркина, 2023] концепт исследуется на материале русского, английского и немецкого языков. Сопоставление же вербализации отчаяния в русском и английском языках почти не проводилось: здесь можно отметить только работу [Ильина, 2008].

Также стоит упомянуть исследования концепта НАДЕЖДА в немецком [Борисовская, 2017], хорватском [Šarić, 2020], хакасском [Чертыкова, 2016], удмуртском [Душенкова, 2013] и древнегреческом (на материале поэзии) [Cairns, 2016] языках. Отметим также исследования, посвященные объективации концепта в тексте Ветхого Завета [Подчасов, 2016; Подчасов, 2017] и Нового Завета [Barr, 1950].

В немецком языке отчаяние исследовалось в художественном дискурсе как индивидуально-авторский концепт [Красавский, 2014; Красавский, 2021; Красавский, 2024] и в фольклоре (как «безысходность») [Елыманова, 2018]. Также сравнивались эмотивы отчаяния и беспокойства на материале лезгинских, русских, английских и немецких фразеологических единиц [Таджибова, 2023]. В работе [Alonso-Arbiol, Soriano, van de Vijver, 2013] исследовалась концептуализация отчаяния на материале английского, испанского и баскского языков. Отчаяние в русском и английском языках стало объектом сопоставительного исследования лишь в одной работе [Ильина, 2008].

При этом комплексный сравнительный анализ лингвокультурных смыслов НАДЕЖДА и ОТЧАЯНИЕ как бинарного семантического единства до сих пор не осуществлялся, что и предопределило выбор темы исследования.

Объектом данного сопоставительного исследования является бинарное семантическое единство НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ, вербализованное посредством лексических и фразеологических единиц в русском и английском языках.

Предмет исследования составляют универсальные и специфические характеристики языковых средств, реализующих бинарное семантическое единство НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ в русском и английском языках.

Цель данной работы состоит в выявлении, классификации и сопоставительном описании лексических, фразеологических и метафорических средств объективации бинарного семантического единства НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ в русском и английском языках на материале текстов современной художественной прозы.

В соответствии с поставленной целью определяются следующие **задачи**:

- на основе данных философии, культурологии и психологии выявить и описать семантические прототипы надежды и отчаяния в научном сознании;
- выделить языковые единицы, вербализующие значение составляющих бинарного семантического единства НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ в русском и английском языках;
- изучить употребление выделенных на предыдущем этапе исследования языковых единиц в корпусе отобранных художественных текстов XX–XXI вв. на русском и английском языках;
- выявить как общие черты, так и специфические особенности употребления выделенных русских и английских языковых единиц в корпусе художественных текстов.

Цель и задачи настоящей работы определили выбор следующих **методов анализа**:

- дискурсный анализ, раскрывающий содержание семантического единства в научном и обыденном сознании;
- компонентный анализ, применяемый для определения семантического прототипа понятий, лежащих в основе семантического единства;
- лексико-частотный анализ, позволяющий выявить количественные особенности употребления языковых единиц;
- этимологический анализ, применяемый с целью диахронического изучения составляющих семантического единства, установления механизмов их формирования;
- анализ когнитивных метафор согласно семиотической классификации по вспомогательному субъекту сравнения.

Материалом исследования выступает художественная проза разных жанров на русском и английском языках – 161 произведение на русском языке и 146 на английском. Корпус отобранных текстов включает произведения, опубликованные с 1922 по 2022 г., с целью сохранения актуального характера материала. В англоязычном материале присутствуют произведения британских и американских авторов в равной степени; отсюда английская лингвокультура представлена в исследовании двумя наиболее распространенными локальными вариантами литературного английского языка. Также в качестве источников языкового материала использовались толковые, фразеологические и этимологические словари, словари синонимов и антонимов русского и английского языков, а также переводные русско-английские и англо-русские словари.

Гипотеза исследования заключается в предположении об этнокультурной специфике реализации лингвокультурных смыслов, составляющих бинарное семантическое единство НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ в литературно-художественном дискурсе в русском и английском языках,

включающей в себя различия на значимостном, понятийном и образном уровнях семантического единства.

В качестве **методологической основы** исследования следует рассматривать базовые положения этнолингвистики (Э. Бенвенист, В. Гумбольдт, Э. Сепир), лингвокультурологии и лингвоконцептологии (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Д. С. Лихачев, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов и др.), культурной семантики и системной лексикографии (А. Вежбицкая, Ю. Д. Апресян, А. Д. Шмелев, Анна А. Зализняк).

Научная новизна работы заключается в применении концептологического подхода к рассмотрению надежды и отчаяния как семантического единства, в определении лексических и метафорических средств вербального выражения бинарного семантического единства НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ; изучении лингвокультурной специфики выражения бинарного семантического единства НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ. В работе впервые исследована реализация семантических признаков двух составляющих бинарного семантического единства НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ и проведен комплексный сравнительный анализ лингвокультурных смыслов НАДЕЖДА и ОТЧАЯНИЕ как составляющих семантического единства в корпусе художественных текстов на русском и английском языках.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит во вкладе в развитие теории семантических комплексов применительно к бинарному семантическому единству НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ в русском и английском языках на материале текстов литературно-художественного дискурса. Результаты и методология исследования могут быть использованы при сопоставительных исследованиях других семантических единств в разных языках.

Практическая ценность данной работы заключается в возможности применения выводов и материалов исследования в теории и практике перевода, при подготовке лекционных и практических занятий по переводоведению и лингвокультурологии; при разработке тематики дипломных и курсовых работ, магистерских диссертаций; в курсе преподавания межкультурной коммуникации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ является бинарным семантическим единством, представляющим собой ментальное образование высокой степени абстракции, имеющее языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой. Данное семантическое единство в русском и английском языках демонстрирует явную внутреннюю асимметрию между «положительным» и «отрицательным» компонентами, выражающуюся на морфологическом, лексическом и частотном уровне.

2. Дефиниционные признаки семантического прототипа надежды включают интегральный признак «ценность» и дифференциальные признаки «желание» и «неопределенность» (ценность является объектом желания, но

обретение этой ценности не гарантировано). Дефиниционные признаки семантического прототипа отчаяния включают интегральный признак «антиценность» и дифференциальные признаки «интенсивность» и «определенность» (уверенность в стабильности отрицательной ситуации, в невозможности ее исправить).

3. У имени лингвокультурного смысла НАДЕЖДА как в русском, так и в английском языке можно выделить три семантических варианта: 1) вера субъекта в возможность улучшения в будущем ситуации, в которой он находится (с двумя ее подвидами: «частной» и «общей»); 2) источник улучшения ситуации субъекта; 3) возможность наступления события, оцениваемого субъектом положительно.

4. В реализации лингвокультурных смыслов, составляющих бинарное семантическое единство НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ в русском и английском (американском и британском) литературно-художественном дискурсе выявляется этнокультурная специфика. Различия семантического единства НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ в русском и английском языках гораздо отчетливее выражены в их «отрицательной» составляющей, что проявляется как на лексическом уровне (только в английском языке отмечен семантический перенос имени отчаяния на его источник, а также присутствует лексема *desperation*, не вписывающаяся в шаблон «высокочастотная лексема-номинация + низкочастотные лексемы-синонимы»), так и в разном составе наиболее высокочастотных при употреблении в контексте семантических признаков лексем-репрезентантов. В русском языке при употреблении лексемы-номинации наиболее часто актуализируются признаки «воздействие», «проявление» и «динамизм»; в английском – «динамизм» и «проявление».

5. Для английского языка представляется возможным выстроить метафорическую вертикальную шкалу, относительно которой надежда может подниматься от точки условного нуля (безразличия) до неопределенной высоты. Ниже этой нулевой точки находится отчаяние, всегда более или менее глубокое; «погружение» в отчаяние подразумевает увеличение этой глубины. Для русского же языка эта метафорическая модель релевантна только для отчаяния. Для обоих языков к уже выявленной исследователями метафорической модели «выше – значит больше» / «ниже – значит меньше», связанной с надеждой, можно добавить модель «ярче – значит больше» / «тусклее – значит меньше» (для надежды) и, возможно, «глубже – значит больше» и «темнее – значит больше» (для отчаяния).

Апробация работы. Основные положения и выводы исследования были изложены на заседаниях кафедры иностранных языков № 1 КубГТУ (Краснодар), конференциях «Филологические и социокультурные вопросы науки и образования» (Краснодар, 2020), «Актуальные вопросы филологических исследований» (Краснодар, 2021), «Филологические и социокультурные вопросы науки и образования» (Краснодар, 2021),

«Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации» (Армавир, 2022), «Актуальные вопросы гуманитарных исследований» (Краснодар, 2023), «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2024) в виде докладов. По теме работы опубликовано 10 работ, в том числе 3 – в научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка теоретических источников, списка лексикографических источников и списка цитируемых источников языкового материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** описываются актуальность исследования, степень разработанности его темы и его новизна, определяется объект и предмет исследования. Здесь же ставятся цель и задачи, устанавливаются методы анализа и определяется теоретическая база, формулируется гипотеза и выносимые на защиту положения, описывается теоретическая значимость и практическая ценность работы.

В **Главе 1 «Теоретические основания исследования семантического единства НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ»** описываются цели и задачи лингвокультурологии и лингвоконцептологии, подходы к определению понятия «лингвокультурный концепт» и выявившиеся с течением времени недостатки данного термина, обосновывается использование термина «лингвокультурный смысл». Констатируется наметившийся переход от исследований отдельных концептов к комплексному анализу их совокупностей, чаще всего состоящих из концепта и «антиконцепта», вводится понятие семантического единства как единицы исследования. Здесь же исследуются представления о надежде и отчаянии в научно-философском и (обзорно) в религиозном (христианском) дискурсе. Наконец, рассматриваются надежда и отчаяние как компоненты бинарного семантического единства; в заключение очерчиваются перспективы его расширения до семантической триады.

Конец XX в. в отечественном языкознании отмечен появлением дисциплины под названием «лингвокультурология», изучающей взаимодействие языка и культуры. Одной из центральных единиц исследования лингвокультурологии стал лингвокультурный концепт, описываемый как многоуровневое ментальное образование, лежащее в сознании, языке и культуре. В структуре лингвокультурного концепта выделяют понятийную, образную, значимостную и ценностную составляющие. Однако недостатки термина «лингвокультурный концепт» детерминируют возможность использования иных, соположенных ему терминов: в данной работе это «лингвокультурный смысл», трактуемый как

культурно значимое ментальное образование индивидуального или коллективного характера, вербализованное средствами языка.

За последние несколько десятилетий было исследовано множество лингвокультурных концептов в разных языках, зачастую – в сопоставительном ключе. Вместе с тем со временем растет число исследований, эмпирической базой которых являются «кластеры концептов». В такие семантические комплексы исследователи зачастую включают как сами концепты, так и их семантические противоположности – «антиконцепты». Эти укрупненные объекты исследования получали различные наименования – «концептуальное поле», «концептуальная диада», «градиент-концепт» и др. Уже высказывались мнения, что все эти семантические комплексы являются вариациями одного и того же понятия – семантического единства (СЕ). В рассмотрении противостоящих концептов преодолевается недостаток «несимметричности»: множество работ посвящено концептам при единичности исследований, посвященных их противоположностям.

В определениях из философских словарей и энциклопедий надежда связывается с желанием и положительно окрашенным ожиданием. В современной англоязычной философии надежду определяют как сочетание страстного желания (desire) и уверенности (belief) в том, что реализация этого желания возможна. Многие исследователи за последние годы пытались продемонстрировать неверность или недостаточность этого определения; однако альтернативные определения также не лишены слабых мест и подвергаются критике.

В истории философии можно выделить две радикальные противоположные позиции смысла феномена надежды в жизни человека. В первой надежда выступает фундаментом человеческого существования. Во второй же она предстает силой, лишь продляющей переживания и умножающей проблемы людей. Таким образом, можно констатировать некоторую амбивалентность понятия надежды. Тем не менее, она остается культурной ценностью.

В современной психологической науке нет единого понимания и, соответственно, определения надежды. Современные исследователи склонны обращаться к интегральному подходу: надежда является сложным образованием, не сводимым к эмоциональному состоянию или переживанию; это одновременно и рациональное, и иррациональное отношение к различным аспектам жизни.

В зависимости от объекта надежды выделяют два ее вида: фундаментальную и первичную надежду. Первую можно определить как общую позитивную точку зрения на жизнь. Даже если происходит разочарование в каких-то ожиданиях, фундаментальная надежда сохраняется, потому что желания чаще всего специфичны, а подобный вид надежды универсален. Первичная надежда связана с достижением конкретной цели и

распадается на осознанную и неосознанную, пассивную и активную, реальную и ложную (иллюзорную), групповую и индивидуальную.

В целом надежду можно описать как позитивное эмоциональное переживание, обусловленное желанием осуществления некоего события, оцениваемого как положительное и возможное. В дефиниционные признаки семантического прототипа надежды входит интегральный признак «ценность» и дифференциальные признаки «желание» и «неопределенность»: ценность является объектом желания, но обретение этой ценности не гарантировано. Объектом надежды является не объект материального мира, но ситуация.

Противоположностью надежды выступает отчаяние, безнадежность. Можно утверждать, что попытки семантического разграничения отчаяния и безнадежности пока не привели к появлению общепринятых дефиниций.

В отличие от надежды отчаяние почти не подвергается типологизированию. Выделяют ситуативное или эпизодическое отчаяние – кратковременное по сути, которое можно определить как аффект, и отчаяние фундаментальное – системное и тотальное.

В целом отчаяние можно определить как интенсивное отрицательное эмоциональное переживание, обусловленное резко отрицательной оценкой текущей ситуации и неверием в ее улучшение в будущем. Негативная оценка ситуации подразумевает понимание этой ситуации как антиценности, т. е. препятствия для удовлетворения потребностей субъекта. Отсюда в дефиниционные признаки семантического прототипа отчаяния входит интегральный признак «антиценность» и дифференциальные признаки «интенсивность» и «определенность» (уверенность в стабильности отрицательной ситуации, в невозможности ее исправить). Таким образом, отчаяние, как и надежда, обладает эмоционально-ценностным по сути характером. Отчаяние и надежда составляют два полюса эмоционального континуума, диалектически взаимопроникают одно в другое и взаимодополняют друг друга.

В европейском религиозно-философском (христианском) дискурсе надежда является одной из безусловных добродетелей, частью триады соположенных концептов ВЕРА – НАДЕЖДА – ЛЮБОВЬ. Христианин надеется на Бога; он живет с надеждой на вечную жизнь. Такая надежда коренится в вере и вытекает из нее.

Противоположность христианской надежде предстает в виде хорошо разработанного концепта уныния (англ. *despondency*), которое часто включается в список смертных грехов. Возможно, здесь мы являемся свидетелями дискурсивной смены имени лингвокультурного концепта. Концепт УНЫНИЕ представляет собой многослойную идейно-образную структуру, репрезентируемую множеством лексем. Наряду с чувством беспомощности отчаяние может представлять своего рода симптомом

сложного, комплексного состояния уныния. В целом уныние (и, как частный случай, отчаяние) происходят от маловерия, отсутствия упования на Бога.

Ввиду наличия эмоционального компонента надежду и особенно отчаяние можно соотнести с эмоциональными концептами. С другой стороны, их можно связать и с концептами-регулятивами – ментальными образованиями, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент.

Потенциальным третьим компонентом при расширении диады НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ до триады становится безразличие/равнодушие, определяемое как отсутствие какой-либо положительной либо отрицательной эмоциональной и ценностной реакции на ситуацию.

В Главе 2 «Семантическое единство НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ в русском языке» исследуются понятийная, значимостная и образная составляющие лингвокультурных смыслов НАДЕЖДА и ОТЧАЯНИЕ на основе текстов художественной прозы на русском языке.

Использованный корпус иллюстративных материалов на русском языке составил 161 художественное произведение различных жанров, изданных в 1922–2022 гг. и принадлежащих перу 85 различных авторов. Предметом анализа в данной главе является употребление в корпусе материалов лексемы *надежда* и ее синонимов – *надежа*, *упование*, *чаяние*, а также существительных-репрезентантов другой составляющей СЕ – лингвокультурного смысла ОТЧАЯНИЕ: сигнальной лексемы *отчаяние* и ее синонимов *отчаянность*, *безнадежие*, *безнадежность*, *безвыходность*, *безысходность*, *беспросветность*, *мрак* и *чернуха*.

Имя лингвокультурного смысла НАДЕЖДА – лексема *надежда* – является практически безэквивалентным репрезентантом лингвокультурного смысла НАДЕЖДА в русском языке. Ее синонимы намного менее частотны и стилистически отмечены. В современных толковых словарях русского языка *надежда* чаще всего толкуется как ожидание некоего блага либо чего-либо желаемого в сочетании с уверенностью в его осуществлении.

Во фразеологическом фонде современного русского языка присутствует минимум 65 единиц с семантикой надежды; из них 39 содержат сигнальную лексему *надежда* или *упование*. Однако большинство из них допускают замену сигнальной лексемы на другую.

В корпусе материалов лексема *надежда* встречается 1719 раз, вместе с лексемами-синонимами – 2650 раз. В эту цифру не входят случаи употребления лексемы в значении имени собственного или части имени собственного.

Обобщение точек зрения различных исследователей позволило выделить три семантических варианта лексемы *надежда*:

- *надежда 1* как вера субъекта в возможность улучшения в будущем ситуации, в которой он находится, с двумя ее подвидами: «частной» *надеждой 1.1* («надежда на...») и «общей» *надеждой 1.2*;

- *надежда 2* как источник улучшения ситуации субъекта;
- *надежда 3* как возможность наступления события, оцениваемого субъектом положительно.

Частотное распределение семантических вариантов лексемы *надежда* в корпусе материалов указывает на превалирование *надежды 1* (90 %), и в 94% случаев его использования реализуется подвариант *надежда 1.1*. Следует отметить частую невозможность отчетливого различения в контексте *надежды 1* и *надежды 3*, а также *надежды 1.1* и *надежды 1.2*.

Предметом дальнейшего анализа является семантический вариант *надежда 1*, представленный в корпусе материалов. Из анализа были исключены некоторые случаи употребления лексемы *надежда*, в которых она употребляется в составе известных цитат либо отправляет к смыслам, отличным от *надежда 1*. Анализ актуализации семантических составляющих лингвокультурного смысла при употреблении его имени (1499 случаев) демонстрирует следующее.

Чаще всего при употреблении лексемы *надежда* в корпусе материалов актуализируется семантический признак «динамизм» (40%). Прежде всего, надежда возникает и исчезает; при этом надежду часто заставляют возникнуть или исчезнуть внешние факторы. Некоторые случаи употребления лексемы подчеркивают мысль о наличии хотя бы частичного выбора субъекта в ситуации возможной потери надежды: *Если вступишь в скверную историю, поучал его дядя Майкл, не теряй надежды и сохраняй кураж* (Ю. Тупицын. Тайна инженера Грейвса).

Надежда проходит через разнообразные трансформации, что подчеркивает ее протяженный во времени характер процесса: *Но и надежды с каждым годом все меньше, и она тает, как снег, пока не истает совсем, впитавшись в землю, – и вот уже перед тобой не надежда, а парком дымящиеся из-под земли воспоминания* (В. Распутин. Прощание с Матерой); *А сейчас эта надежда уже не надежда, а уверенность в чуде заполнила его до самой макушки, и он уже удивлялся, как мог раньше жить в таком беспросветном, безысходном мраке...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Пикник на обочине). Человек колеблется между надеждой и отчаянием, опасениями, паникой: *Василий Петрович и тетя стояли перед мадам Стороженко, испытывая то отчаяние, то надежду* (В. Катаев. Белеет парус одинокий).

На втором месте по частоте актуализации находится семантический признак «воздействие» (17%). Субъект под влиянием надежды прежде всего совершает какие-то действия, направленные на ее реализацию. В большинстве случаев подобная семантика передается при помощи устойчивого словосочетания *в надежде (на)*: *Лара уже один или два раза в нерешительности останавливалась и мялась на пороге гостиной, в надежде на то, что сидевший лицом к залу Комаровский заметит ее.* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Другое, реже встречающееся словосочетание, актуализирующее этот семантический признак – это *жить надеждой (на)*. Здесь надежда, с одной стороны, помогает жить, с другой – синонимизируется с иллюзиями и противопоставляется реальности: *Она жила смутными надеждами на то, что неминуемо должно было произойти... но ничего не случилось, кроме мелких стычек с дядей.* (Л. Леонов. Дорога на океан). В прочих случаях надежда бодрит, укрепляет, придает сил, успокаивает, утешает, опьяняет и внушает смелость. Иногда надежде приписывается функция путеводной звезды. Изредка в примерах говорится о надежде как о силе, которая соблазняет, вызывает боль, расслабляет волю и приводит к смерти: *К чему манить сердце на двойную утрату, беречь боль надеждой.* (В. Иванов. Русь изначальная).

Прочие семантические признаки встречаются в примерах из анализируемого корпуса намного реже. К их числу относятся «источник» (примеры, семантика которых сфокусирована на источнике надежды, главным образом при помощи устойчивых выражений *одна надежда на... / вся надежда на...., связывать надежды с... и возлагать надежду на... – 6%*), «проявление» (внешнее проявление надежды на лице, в голосе и т. п. – 3%), «оценка вероятности» (оценка реальности надежды – 2%) и «ценность» (надежда как предмет желания, восхваления, некий вид собственности и т. п. – 2%). Несколько признаков одновременно встречаются лишь в 3% примеров. Оставшиеся 27% относятся к диффузным случаям, которым затруднительно приписать актуализацию одного или нескольких признаков.

Таким образом, при употреблении в корпусе лексемы *надежда* на первый план выходят родовые семантические признаки надежды как эмоционального комплекса, свойственные не только ей, но и прочим эмоциональным состояниям. Соотносится с выделенным в главе 1 семантическим эталоном надежды только редко встречающийся признак «оценка вероятности», отражающий когнитивный, а не эмоциональный компонент надежды.

Изучение синонимов лексемы *надежда*, представленных в корпусе материалов, из-за редкости их употребления в релевантном для исследования значении (всего 52 случая) не дает возможности сделать какие-либо надежные выводы относительно специфики актуализации семантических признаков.

Результаты анализа когнитивных метафор надежды в примерах из анализируемого корпуса, проведенного согласно семиотической классификации по вспомогательному субъекту сравнения, позволяют утверждать, что в примерах представлены различные типы семантического переноса.

В случае использования наиболее частотной реиморфной метафоры (46%) надежда представляется вещью, материальным объектом, которым можно манипулировать и который может взаимодействовать с другими

объектами окружающего мира. Таковую надежду можно искать, получить и утратить, отнять и вернуть: *Мы не хотим также сказать, что, приобретая акции, коротышки ничего не приобретают, так как, покупая акции, они получают надежду на улучшение своего благосостояния* (Н. Носов. Незнайка на Луне). Материализованную надежду можно увидеть и услышать: *Девичьей надежды не разглядел бы только слепой, но воздь к Голубе так и не повернулся.* (М. Семенова. Валькирия).

В большей степени материализована надежда, за которую держатся, цепляются, которую связывают с чем-либо, приносят, возлагают, отбрасывают, отметают. Такая надежда характеризуется прочностью, твердостью и остротой: *Вид этих пикирующих на Дворики «юнkersов» уколол его сердце надеждой – «может, они все перекинутся туда», и одновременно он подумал, что раненых переносить в хаты было нельзя...* (К. Воробьев. Убиты под Москвой). Исчезновение надежды описывается как поломка, разрушение, крушение.

В случаях использования биоморфной метафоры (34%) надежда предстает живым существом – ее питают и лелеют. Надежда рождается, живет и умирает; ее можно пробудить, убить, похоронить и воскресить. Она хватает человека, может быть слепой и дикой: *Вдруг его охватила безрассудная надежда, что произошла ошибка, он даже почувствовал радость, как будто хорошая новость уже была у него в кармане.* (О. Славникова. Один в зеркале); *Теща давно мечтала выдать Лялю за этого Валерия и, кажется, до сих пор не оставила дикой надежды.* (Ю. Трифонов. Долгое прощание).

Более конкретные ботаническая и орнитологическая метафора как подвиды биоморфной представлены единичными примерами. Другой подвид биоморфной метафоры – антропоморфная метафора – более разнообразна. Человеченная надежда обладает над человеком большой властью – заставляет делать то или иное; она ведет, подстегивает его и вообще владеет человеком: *Должно быть, всегда владела человеком темная и жадная надежда выиграть истину через интуицию, кратчайшим путем* (Л. Леонов. Дорога на океан).

Она делает человека бесстрашным, успокаивает его и пробуждает его к жизни. Она обманывает человека, но обманывается и сама: *Обманула и надежда на радушие Кубани* (А. Толстой. Хождение по мукам); *Ночь обманула надежды: с запада приволокло сплошную облачность, погасившую лунный свет.* (А. Громов. Вычислитель). Надежда, как человек, должна оправдываться: *Если же наши надежды не оправдаются, мы можем снять доски с плавучего моста и, таким образом, ничего не потеряем* (А. Беляев. Остров погибших кораблей). В ином случае надежду оправдывает или не оправдывает что-то иное или кто-то иной: *Ты не оправдал их надежд и не донес, не показал, что тебе было велено.* (В. Распутин. Пожар).

Антропоморфная надежда протягивает руку, пробирается в сердце и шепчет, касается, работает, пашет и пр.: *Да коснется тебя надежда моя! Встанет рядом, заглянет в глаза, вдохнет жизнь в помертвевшие губы!* (В. Каверин. Два капитана). Надежда, как человек, может быть безумной, глупой, неразумной, жадной, наивной, смелой и робкой: *И безумная надежда, что он способен понять, вновь коснулась меня.* (С. Лукьяненко. Ночной дозор).

К менее частотным относятся фототермическая (11%) и газожидкостная (4%) метафора, а также метафора надежды как содержимого (2%). Цветовые и температурные метафорические определения надежды почти во всех случаях являются следствием использования фототермической метафоры: надежда представляется в первую очередь светлой, согревающей, но также и радужной. Примеры, приписывающие надежде иные цвета, единичны. Надежда иногда характеризуется прилагательными *высокая, высочайшая, возвышенная*, а также связывается со взлетом, однако такие примеры в корпусе немногочисленны.

Степень метафоризации, определяемое как отношение случаев метафорического использования лексемы *надежда* (в варианте *надежда I*) ко всем случаям использования лексемы, составляет 38% (с учетом синонимов – 39%). Случаи метафоризации синонимов лексемы *надежда* в корпусе довольно редки и не могут стать основой для каких-либо надежных выводов.

Имя лингвокультурного смысла ОТЧАЯНИЕ – существительное *отчаяние* – является его главным лексическим репрезентантом в русском языке. Его синонимы намного менее частотны, а также употребляются преимущественно в иных значениях. Этимологически и лексема *отчаяние*, и большинство ее синонимов обладают прозрачной внутренней формой и производны от корней с семантикой надежды (*отчаяние, отчаянность, безнадежность, безнадежие*) или окончания нежелательной ситуации (*безвыходность, безысходность*). Прочие синонимы (*беспросветность, мрак, чернуха*) используют метафорическое представление отрицательного эмоционального состояния как тьмы, отсутствия света. В толковых словарях современного русского языка *отчаяние* описывается как состояние безнадежности и безвыходности в его крайней степени.

Во фразеологическом фонде современного русского языка присутствуют минимум 33 единицы с семантикой отчаяния; однако лишь 10 из них содержат сигнальную лексему. Часть из них описывает не только отчаяние, но и другие отрицательные эмоциональные состояния.

В корпусе материалов лексема *отчаяние* встречается 914 раз, вместе с лексемами-синонимами – 1748 раз. Однако у лексем-синонимов выделяется по несколько семантических вариантов; при учете только релевантных для исследования семантических вариантов лексем-синонимов эта цифра снижается до 1000.

Наиболее часто актуализируемым семантическим признаком при употреблении лексемы *отчаяние* в корпусе материалов оказывается признак «воздействие» (32%). Отчаяние заставляет человека действовать. Устойчивый оборот *в отчаянии*, как и *в надежде*, обладает каузативной семантикой: *Господин Ковалевский в отчаянии бросился за деньгами к одесским негодьям и банкирам.* (В. Катаев. Белеет парус одинокий). Но отчаяние может приводить и к парализации способностей субъекта: *Один мелко трясся, другой окаменел от отчаяния и неотвратимости смерти.* (К. Симонов. Живые и мертвые). Отчаяние заставляет субъекта кричать, шипеть, плакать, вздыхать; оно вызывает боль, застилает глаза: *Он никак не мог понять, то ли вскипевшее отчаяние застилает глаза, то ли качается вокруг обыкновенный вечерний мрак.* (А. Иванов. Тени исчезают в полдень).

Семантический признак «проявление» представлен в примерах слабее (22%). Отчаяние проявляется во взгляде, глазах, на лице, в голосе, словах, крике, жестах, вздохах: *Волкодав вскинул глаза, наткнулся на умоляющий, полный отчаяния взгляд и почувствовал, как стиснула сердце когтистая лапа.* (М. Семенова. Волкодав); *Уже двенадцать часов Горелов с бешеной скоростью носился среди волн, безуспешно, с отчаянием в глазах, осматривая пустынный горизонт.* (Г. Адамов. Тайна двух океанов); *За этот год Катя только и слышала бессильное скрежетание зубов да вздохи последнего отчаяния, только и видела, – как в то мартовское утро в отцовском доме, – искаженные лица, стиснутые кулаки.* (А. Толстой. Хождение по мукам).

Немногим менее распространен семантический признак «динамизм» (21%). Он актуализируется прежде всего при описании формирования у субъекта чувства отчаяния, которое может быть как быстрым, так и постепенным: *Неуловимые слова «не положено» привели мальчика в отчаяние.* (В. Катаев. Сын полка). Отчаяние может и пройти: *Отчаяние куда-то исчезло – сознание Кеши залил шипучий, побулькивающий и покалывающий покой.* (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам).

С отчаянием борются, отчаяние вытесняют другие чувства; они могут овладевать человеком попеременно: *Смотря по тому, кто из двоих одерживал верх, Алона то приходила в отчаянье, то снова начинала надеяться.* (А. Волков. Семь подземных королей). И сам человек может бороться с отчаянием: *Трудно было побороть в себе отчаяние, и срам, и бессильную злобу и принять то, что завтра Карл неминуемо должен побить его...* (А. Толстой. Петр Первый). Отметим, однако, что таких примеров очень мало.

Актуализация нескольких признаков одновременно встречается лишь в 1% примеров. Оставшиеся 24% относятся к случаям, которым затруднительно приписать актуализацию одного или нескольких признаков.

Все синонимы лексемы *отчаяние* встречаются относительно редко, и лишь частично – в интересующем нас значении. Рассмотрение актуализации

семантических признаков при их употреблении вряд ли позволяет сделать какие-либо надежные выводы. Можно лишь предположить, что состояние, описываемое существительным *безнадежность*, менее склонно выступать причиной действий субъекта: его воздействие на субъект характеризуется в первую очередь деструктивностью.

При образном употреблении лексемы *отчаяние* наиболее распространенной метафорой оказывается биоморфная (35%). Отчаяние рождается, растет, оживает. Как хищное животное, оно ползает, терзает, раздирает, поедает свою жертву: *Две недели лежал терзаемый отчаянием, болью, скукой.* (М. Шолохов. Тихий Дон).

Отчаяние овладевает человеком, охватывает его: *Злоба и отчаяние охватили меня разом.* (А. Гайдар. Судьба барабанщика). Но отчаяние может и помочь, придать силу, вдохновить: *Яруну туго давалась чужая галатская моль, но отчаяние помогло.* (М. Семенова. Валькирия). Отчаяние борется с другими чувствами; сам человек борется со своим отчаянием, сдерживает его и справляется с ним: *А сын кузнеца, когда справилась душа с первым отчаянием неволи, понял: ту стрелу, не иначе, направили милосердные Боги.* (М. Семенова. Волкодав). Но человек может и отдаться, предаться отчаянию: *Только здесь, в уединенной комнате (уставленной книжными полками и физическими приборами), он мог отдаться наконец ужасному волнению, почти отчаянию, потрясшему его со вчерашнего дня.* (А. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина).

Отчаяние идет, уходит и вселяется в человека: *Страстное напряжение падало, упорство противника вселяло недоверие, сомнение, отчаяние, – когда же конец, победа, отдых?* (А. Толстой. Хождение по мукам). Отчаяние становится субъектом, а человек – объектом его действий: оно влечет его, двигает, гонит, останавливает, гнет, вбивает в землю, убивает, воскрешает, убеждает и в общем заставляет что-либо делать: *Нет, падали честные сердца, людей гнуло и вбивало в землю отчаяние* (В. Иванов. Повести древних лет).

Довольно распространенной оказывается и пространственная метафора (23%). Отчаяние осмысливается, прежде всего, как место, куда можно привести, довести или прийти. Оно может находиться близко или далеко от человека: *Роман был близок к отчаянию: неужели даже в таком простом вопросе он наделал ошибок?* (А. Маринина. Последний рассвет).

Такое отчаяние описывается как не имеющее пределов и границ: *Стекла его маски отражали только багровые блики заката, но неведомым ухищрением художник сумел выразить в них беспредельное отчаяние одиночества в чужом мире.* (И. Ефремов. Туманность Андромеды). Впрочем, отчаяние может граничить с другими метафоризованными чувствами: *И Таня вдруг с какой-то острой, граничившей с отчаянием завистью к умершему подумала: «Вот так бы и мне последнюю минуту думать только о матери,*

а больше ни о ком. Чтобы не было у меня никого, кроме матери, о ком думать». (К. Симонов. Живые и мертвые).

Менее распространены метафоры отчаяния как содержимого (8%), как бездны (8%), реиморфная (8%), газожидкостная (7%) и патологическая (3%) метафоры.

В корпусе отчаянию изредка приписывается черный цвет и холодная температура, но в целом метафорические характеристики цвета и температуры для отчаяния нехарактерны. Тем не менее, можно говорить о типичности представления отчаяния как бездны (абиссальная метафора): оно характеризуется глубиной и темнотой (в пользу того же представления говорит наличие среди синонимов лексемы *отчаяние* существительных с семантикой тьмы).

Общая степень метафоризации лексемы *отчаяние* составляет 30%. Рассмотрение метафорического употребления синонимов лексемы вряд ли позволяет сделать какие-либо надежные выводы в силу их малочисленности.

В Главе 3 «Семантическое единство HOPE/DESPAIR в английском языке» исследуются понятийная, значимостная и образная составляющая лингвокультурных смыслов HOPE и DESPAIR на базе англоязычных художественных текстов различных жанров.

Использованный в данной работе корпус иллюстративных материалов на английском языке составил 146 художественных произведений, изданных с 1922 по 2022 гг. В корпус вошло равное количество произведений 83 американских и британских авторов, но не вошли произведения канадских, австралийских, ирландских и аффилированных с другими странами авторов, пишущих на английском языке. Это позволило исследовать возможные различия между двумя наиболее распространенными локальными вариантами английского языка.

В английских лексикографических источниках можно выделить три семантических кластера надежды: 1) ожидание и желание осуществления некоего блага; 2) возможность такого осуществления; 3) указание на источник надежды. Полные синонимы у имени лингвокультурного смысла – существительного *hope* – отсутствуют; однокоренная лексема *hopefulness* отличается по семантике и оказывается довольно редкой (в корпусе материалов было обнаружено 1389 случаев использования существительного *hope* и лишь 12 – существительного *hopefulness*). В лексикографических источниках отмечается минимум 66 английских фразеологизмов с семантикой надежды, большинство из которых не включают лексему *hope*.

У лексемы *hope* были выделены три семантических варианта, аналогичных вариантам русской лексемы *надежда*. Из дальнейшего анализа были исключены примеры, содержащие некоторые устойчивые выражения с лексемой *hope*, в которых она отправляет к

смыслам, далеким от варианта *hope 1*, а также случаи ее употребления в составе известных цитат.

Наиболее частотным в корпусе примеров оказывается семантический вариант *hope 1* (81%), из них 93% составляет подвариант *hope 1.1*. Как и в случае с русской лексемой *надежда*, нужно отметить, что эти подварианты не всегда удается однозначно разделить в контексте.

Наиболее частой актуализации в материале корпуса подвергается семантический признак «динамизм» (40%): надежда появляется, изменяется, исчезает: *Yet do not cast all hope away. Tomorrow is unknown.* (J. R. R. Tolkien. Two Towers). В немногочисленных примерах особого рода речь идет об оценке надежды постфактум – надежда либо подтверждается, трансформируясь в уверенность или знание, либо нет, что ведет к тому, что субъект перестает надеяться: *The king would flee and save himself to fight another day. But the hope was premature* (K. Follett. The Pillars of the Earth).

Менее частотной оказывается актуализация признака «воздействие» (18%). Надежда побуждает субъекта к совершению определенных действий; он стремится получить желаемое благо, полагая это возможным. Это наиболее часто встречающийся вид: *He had three cups of coffee in hopes of clearing his head* (T. Wolfe. The Bonfire of the Vanities). Отсутствие же надежды заставляет субъекта воздерживаться от действия: *“He can’t do that,” Aliena said. “He’s got no hope of justice.”* (K. Follett. The Pillars of the Earth).

Надежда помогает субъекту преодолевать трудности: *So tighten your belts, and think with hope of the tables of Elrond’s house!* (J. R. R. Tolkien. Fellowship of the Ring). Надежда стимулирует воображение, успокаивает и утешает: *The hope calmed him for a while, and he fell asleep with his head against the wall.* (G. Greene. The Power and the Glory). Также надежда вызывает мысли и порождает иллюзии, затрудняет наблюдение; поддерживая жизнь, она может и убивать: *To David and Elizabeth it was a long waiting, but with this difference, that David was kept alive by hope, and that Elizabeth felt sometimes that hope was killing her* (M. R. Rinehart. The Breaking Point).

Прочие семантические признаки актуализируются намного реже. К ним относятся «оценка вероятности» (7%), «источник» (2%) и «проявление» (2%). Несколько признаков одновременно встречаются в 1% примеров. Оставшиеся 28% относятся к случаям, которым затруднительно приписать актуализацию одного или нескольких признаков.

Лексема *hopefulness* встречается в корпусе в интересующем нас значении настолько редко, что рассмотрение актуализации семантических признаков при ее употреблении вряд ли позволяет сделать какие-либо надежные выводы.

При образном употреблении лексемы *hope* наиболее распространенной в корпусе оказывается реиморфная метафора (52%). Надежда представляется своего рода собственностью. Субъект может получить эту реифицированную

надежду от других людей или при каких-то ситуациях: *Staring bleakly ahead, he saw something which gave him fresh hope: three people were walking slowly down the track towards him.* (C. Priest. *The Inverted World*). Такую надежду можно предложить другому человеку, поделиться или обменяться ею с ним: *When we have traded our hopes and dreams, we talk parents, and how it is to be part foreign, and she asks me whether I'm Jewish, and I say no.* (J. le Carré. *A Legacy of Spies*).

Вещественной надежды можно и лишиться, потерять или оставить ее, как добровольно, так и нет: *Now that buoyancy had gone, as if the surrender had taken all hope from her.* (M. Mitchell. *Gone with the Wind*). Субъект может держаться за надежду; он может прикреплять ее к другим людям или ситуациям: *Allah knows how I pinned all my hopes on Magid.* (Z. Smith. *White Teeth*).

Реиморфную надежду можно создать, ее можно увидеть и куда-нибудь вложить: *I painted pictures once and into the painting I put all the ardour, the hope, the enthusiasm that I had.* (H. Walpole. *The Inquisitor*). В некоторых случаях идет речь о кусках, обрывках, фрагментах, остатках надежды: *And then – no, it was not relief, only hope, a tiny fragment of hope.* (G. Orwell. *Nineteen Eighty-Four*).

В ряде примеров говорится о местонахождении предметной надежды: *He knew that he was placing hopes where he'd no reason to* (C. McCarthy. *The Road*). Реифицированная надежда обладает весом; ее можно разрушить; она может двигаться и колебаться, утонуть или упасть: *His hopes sank again.* (G. Orwell. *Nineteen Eighty-Four*).

Такая надежда связана с представлением о высоте как об эквиваленте ее силы; такова же внутренняя форма фразеологизма *don't get your hopes up*. Во множестве примеров надежда эксплицитно называется высокой (*high*) или низкой (*low*). Также реиморфная надежда может получать определения «большая» (*big, large*) или «маленькая» (*small, little*).

Значительно уступает реиморфной метафоре по частоте биоморфная метафора (22%). Прежде всего, надежда живет, рождается, растет и умирает, гибнет. Антропоморфная надежда, как человек, приходит, уходит и возвращается, просыпается и ищет, празднует триумф, подбадривает и успокаивает, подсказывает и обманывает, оживляет, поддерживает жизнь, но и убивает: *His hope will cheat him* (J. R. R. Tolkien. *Fellowship of the Ring*).

Надежду, осмысляемую как живое существо, лелеют и хоронят, с ней борются, играют и прощаются. Она может быть удовлетворенной, упрямой, обнаженной, испуганной: *But so stubborn was hope in his young heart that before he had climbed the hill he was finding comfort in her thought for him* (M. R. Rinehart. *The Breaking Point*).

К менее частотным относятся фототермическая (10%) и газожидкостная (6%) метафора, а также метафора содержимого (5%) и метеорологическая (2%). Надежде крайне редко приписывается температура

или цвет. В одном случае несбывшаяся надежда является черной (*blackened*); в других двух случаях надежда описывается как жаркая, горячая (*ardent, fervent*). Общая степень метафоризации лексемы *hope* составляет 38%, и примерно одинакова для американских и британских текстов по отдельности.

Безальтернативным именем лингвокультурного смысла DESPAIR является существительное *despair*; ее синонимы – *hopelessness, desperation, despondency, desperateness* – намного более редки; почти все они несут в своих значениях дополнительные семантические признаки. Согласно данным толковых словарей, семантически ближе всего к существительному *despair* находится существительное *hopelessness*. Три из четырех лексем, обозначающих отчаяние, содержат корень с семантикой надежды и аффиксами отсутствия. Лексема *despondency*, хотя и не связана с лексемами, выражающими надежду, этимологически, также содержит аффикс отрицания. В словарях обнаружено лишь небольшое количество фразеологизмов с семантикой отчаяния. Существительное *despair* намного чаще встречается в корпусе (441 раз), чем все прочие члены синонимического ряда (суммарно 198 раз).

В корпусе материалов наиболее распространенным оказывается признак «динамизм» (45%). Отчаяние возникает и исчезает, и вновь возвращается. Оно вступает во взаимодействие с другими эмоциями – подавляется ими или, наоборот, господствует над ними. Иногда субъект сознательно старается не допустить возникновения отчаяния, активно или пассивно: *Thus it was hardly a surprise that their minds fled from pain, soreness, exhaustion, stench, despair*. (P. Anderson. *The Saturn Game*).

Менее распространенным оказывается семантический признак «проявление» (25%). Отчаяние субъекта проявляется внешне: *And so the man, with a dry look of despair, as if it might be his last, towards land, turned again, and the couple continued down the Cobb*. (J. Fowles. *The French Lieutenant's Woman*). Оно выражается плачем, криком, стоном, воплем, восклицаниями, а также проявляется в жестах субъекта, в глазах, голосе, дыхании, в выражении его лица.

Еще менее частотен семантический признак «воздействие» (18%). Несколько признаков одновременно встречаются в 4% примеров. Оставшиеся 8% относятся к случаям, которым затруднительно приписать актуализацию одного или нескольких признаков.

При употреблении в корпусе лексемы *desperation* (136 примеров) вырисовывается несколько иная картина: чаще всего актуализируются семантические признаки «воздействие» (49%), «динамизм» (22%) и «проявление» (19%). Как правило, такое отчаяние является стимулом к действию, никогда не приводя к параличу. При этом семантический признак «динамизм» намного сильнее представлен в произведениях американских

авторов, лишь немного уступая признаку «воздействие»; в британских же «воздействие» является безусловным лидером.

Редкость лексем *hopelessness* и *despondency* не позволяет судить о свойственным им частотном распределении признаков с уверенностью. При этом лексемы *despair*, *hopelessness* и *desperation* демонстрируют наличие нескольких семантических вариантов.

При образном употреблении лексемы *despair* чаще всего используется биоморфная метафора (26%). При использовании антропоморфной метафоры – самого распространенного в корпусе подвида биоморфной – отчаяние предстает оппонентом, противником человека. Человек борется с отчаянием, противостоит ему, спорит с ним: *He knew all the arguments of despair and would not listen to them.* (J. R. R. Tolkien. *The Return of the King*). Отчаяние сражается и с другими чувствами. Оно овладевает человеком, его сознанием: *All night I waited for courage or despair to overwhelm me.* (A. Levy. *Small Island*). Отчаянию уступают и другие эмоции.

Отчаяние принуждает человека действовать: *It is that I do not know how to say it, I seem driven by despair to contemplate these dreadful things.* (J. Fowles. *The French Lieutenant's Woman*). Оно покидает человека и возвращается к нему, и может вырваться на свободу: *At last, to his infinite relief, the pain and despair broke out of Vic's eyes.* (D. Beaven. *If the Invader Comes*).

Второе место по частоте занимают случаи использования реиморфной метафоры (16%). Предметное отчаяние можно увидеть; оно пребывает в некотором месте, имеет вес, отбрасывает тень и рассыпается на части; оно поднимается, падает и обрушивается на человека: *Despair seemed to come down on him completely, and she was feeling happy, she hated despair.* (D. H. Lawrence. *Lady Chatterley's Lover*).

Менее распространены метафоры отчаяния как содержимого (8%), газожидкостная (8%), патологическая (7%), абиссальная (6%) и пространственная (4%) метафоры. Изредка отчаяние может быть черным (black) или темным (dark); холодным (cold) или ледяным (icy). Степень метафоризации лексемы *despair* составляет примерно 32%.

Метафорическое использование существительного *desperation* демонстрирует аналогичную картину: лидерами являются биоморфная и реиморфная метафоры. Такое отчаяние никак не характеризуется ни по цвету, ни по температуре. В целом степень метафоризации у лексем синонимического ряда составляет от 26% до 68%, отсюда среднее значение составит 44%. Существенной разницы между британскими и американскими текстами в этом отношении не обнаружено.

В Заключение подводятся итоги исследования и излагаются перспективы дальнейшего изучения данной темы. Как в русском, так и в английском языке обнаруживается этимологическая, морфологическая и

частотная асимметрия компонентов СЕ. Количество существительных-репрезентантов «положительного» компонента (надежды) меньше, чем «отрицательного» (отчаяния). Репрезентанты «отрицательного» компонента, как правило, либо происходят от тех же корней, что и репрезентанты «положительного» компонента, либо обладают внутренней формой, производный характер которой очевиден, либо метафорически описывают отрицательную ситуацию. Общая частота репрезентантов «положительного» компонента в корпусе материалов ощутимо выше, чем репрезентантов «отрицательного». Во фразеологическом фонде и русского, и английского языка «положительный» компонент представлен намного отчетливее, чем «отрицательный».

У номинаторов понятия надежды в обоих языках выделяются схожие семантические варианты. В обоих языках установлено частотное превалирование в корпусе семантического варианта *надежда 1.1 / hope 1.1* – «частной» надежды. Большинство случаев употребления этого семантического варианта в корпусе материалов относится к актуализации семантических признаков «динамизм» и «воздействие». К важным различиям можно отнести только тот факт, что признак «оценка вероятности» сильнее выражен в английском языке. В обоих языках у лексем-номинаторов надежды может быть отмечен синкретизм и диффузность признаков в большом количестве случаев употребления, не позволяющие выделить актуализированные в контексте семантические признаки (около трети примеров). Для надежды в обоих языках наиболее типичными оказываются реиморфная и биоморфная метафора.

«Отрицательный» компонент демонстрирует более выраженные межъязыковые различия. Только в английском языке отмечается наличие семантического переноса имени отчаяния на его источник. Аномалией выступает английская лексема *desperation*, не вписывающаяся в шаблон «высокочастотная лексема-номинатор + низкочастотные лексемы-синонимы», свойственный репрезентантам надежды в обоих языках и репрезентантам отчаяния в английском. Она также не употребляется для описания ситуаций бессилия и бездействия субъекта, в отличие от прочих репрезентантов отчаяния в обоих языках. В русском языке при употреблении лексемы-номинанта наиболее часто актуализируются признаки «воздействие», «проявление» и «динамизм»; в английском – «динамизм» и «проявление». Также для отчаяния отмечено серьезное межъязыковое различие в доле случаев употребления, не позволяющих выделить отчетливо актуализированные в контексте семантические признаки. В русском языке наиболее частотными оказываются биоморфная и пространственная метафоры отчаяния, в английском – биоморфная и реиморфная метафоры. Кажется, что образ отчаяния как антропоморфного противника субъекта более релевантен для английского языка.

Для английского языка представляется возможным выстроить метафорическую вертикальную шкалу, относительно которой надежда может подниматься от точки условного нуля (безразличия) до неопределенной высоты. Ниже этой нулевой точки находится отчаяние, всегда более или менее глубокое; «погружение» в отчаяние подразумевает увеличение этой глубины. Для русского же языка эта метафорическая модель релевантна только для отчаяния. Для обоих языков к уже выявленной исследователями метафорической модели «выше – значит больше» / «ниже – значит меньше», связанной с надеждой, можно добавить модель «ярче – значит больше» / «тусклее – значит меньше» (для надежды) и, возможно, «глубже – значит больше» и «темнее – значит больше» (для отчаяния). Также можно отметить, что степень метафоризации лексем-номинантов (в том числе с учетом синонимов) «положительного» компонента в корпусе несколько выше, чем лексем-номинантов «отрицательного» компонента.

С учетом полученных результатов перспективы дальнейших исследований могут быть обозначены следующим образом: 1) исследование употребления в корпусе материалов не только номинантов-существительных, но и однокоренных с ними лексем, в первую очередь глаголов *надеяться* и *to hope*; 2) расширение корпуса анализируемых материалов, позволяющее более подробно исследовать редко встречающиеся лексемы из синонимических рядов номинантов компонентов СЕ; 3) исследование специфики реализации лингвокультурных смыслов НАДЕЖДА и ОТЧАЯНИЕ в других видах дискурса; 4) расширение горизонтов исследования путем включения в бинарное СЕ НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ третьего компонента – лингвокультурного смысла РАВНОДУШИЕ.

Основные положения и результаты исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендуемых ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Сиротина О. В. Концепт «надежда»: семантические варианты имени / О. В. Сиротина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2022. Т. 32. № 3. С. 474-479.
2. Сиротина О. В. Антиконтцепт «отчаяние» в Национальном корпусе русского языка / О. В. Сиротина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 3. С. 207-214.
3. Сиротина О. В. Семантическое единство HOPE / DESPAIR в английском языке / О. В. Сиротина // Преподаватель XXI век. 2024. № 1-2. С. 435-447.

Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов и периодических изданиях:

4. Сиротина О. В. Семантическое единство «надежда/отчаяние»: подходы к исследованию / О. В. Сиротина // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: Сборник материалов V Международной научно-практической очно-заочной конференции, 22 октября 2020 г. Краснодар: Изд. КубГТУ, 2020. С. 360-367.

5. Сиротина О. В. Концептуализация надежды в русском языке: значимостный аспект / О. В. Сиротина // Актуальные вопросы филологических исследований. Сборник статей материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Краснодар: ООО "Издательский Дом - Юг", 2021. С. 133-138.

6. Сиротина О. В. Антиконтцепт «отчаяние»: значимостная составляющая / О. В. Сиротина // Актуальные вопросы филологических исследований. Сборник статей материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Краснодар: ООО "Издательский Дом - Юг", 2021. С. 38-42.

7. Сиротина О. В. Семантическое единство «надежда – отчаяние»: русско-английские параллели / О. В. Сиротина // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: сборник материалов VI Международной научно-практической очно-заочной конференции. Кубанский государственный технологический университет. Краснодар, 2021. С. 394-401.

8. Сиротина О. В. Семантическое единство «надежда – отчаяние»: асимметрия полюсов / О. В. Сиротина // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: Сборник статей X Международной научно-практической конференции. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2022. С. 25-30.

9. Малофеева У. Н., Сиротина О. В. Значимостный компонент лексемы «надежда» в русском языке / У. Н. Малофеева, О. В. Сиротина // Актуальные вопросы гуманитарных исследований: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию кафедры русского языка и 105-летию КубГТУ. Кубанский государственный технологический университет, 2023. С. 235-241.

10. Сиротина О. В. Антиконтцепт «отчаяние»: русско-английские переводные эквиваленты / О. В. Сиротина // Русистика без границ. 2023. Т. 7. Кн. 4. С. 99-105.

Сиротина Ольга Викторовна

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА
НАДЕЖДА/ОТЧАЯНИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Формат 60x84 1/16 Печать цифровая. Уч.-изд. л.
Тираж 100 экз. Заказ №
Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149